

СЕРГЕЙ

ЗВЕРЕВ

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ

БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

ТЕНЬ

УБИТОГО ВРАГА

Сергей Иванович Зверев

Тень убитого врага

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8634911

Зверев, Сергей Иванович. Тень убитого врага: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76569-0

Аннотация

Бизнесмен Андрей Тропинин жестоко предал своего компаньона и друга Глеба Студенецкого: увел у него жену. Глеб не простил предательства. Он подставил Андрея, и того за растрату и подлог осудили на восемь лет колонии. Но суровое наказание показалось взбешенному рогоносцу слишком мягким. Он захотел навсегда вычеркнуть бывшего друга из жизни и приказал своим подельникам-головорезам убить Андрея. Те выполнили приказ, и Глеб наконец вздохнул с облегчением. Но спустя восемь лет стали происходить странные вещи. Мертвый Андрей начал преследовать Студенецкого: он являлся к бывшему компаньону и грозил ему смертью...

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	8
3	12
4	15
Глава 2	17
1	17
2	20
3	27
4	30
Глава 3	36
1	36
2	38
3	41
4	44
Глава 4	49
1	49
2	53
3	57
Глава 5	64
1	64
2	68
3	74

Сергей Зверев

Тень убитого врага

© Зверев С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

1

Два человека, предвкушая богатый улов, шли через лес, еще полный прохладным утренним туманом, едва-едва начинавшим рассеиваться, чтобы через час-другой исчезнуть без следа. Чистейший лесной воздух, густой и свежий, заставлял их дышать глубже, пробуждал смутные ассоциации, связанные с чем-то давным-давно как будто позабытым...

Первый мужчина сделал глубокий вдох – и вдруг замер.

– Б-блин! Ты чего?! – чуть не натолкнулся на него второй.

– Тихо. Ты ничего не чувствуешь? – предостерегающе поднял руку первый.

– Да вроде нет... А что такое?

– Запах.

Второй тоже глубоко вдохнул и произнес:

– Да-а... Тухлятиной какой-то тянет.

– Нет, брат. Здесь, похоже, дело серьезнее, – покачал головой первый мужчина. В свое время он прошел Афган, и запах этот кое-что ему напомнил. – Постой, – сказал он и свернул с тропы в подлесок.

Второй последовал за ним, брезгливо фыркая:

– Ф-фу... Ну и вонь! Ну куда тебя несет... – В голосе его

уже чувствовался испуг.

– Вот оно, – остановившись, кивнул на кусты первый.

Второй почувствовал, как сердце его забилося сильно и тревожно, а в горле мгновенно пересохло. Дурной запах едва не валил с ног, но он, преодолевая робость, выглянул из-за плеча первого...

Из густых зарослей кустарника торчала человеческая рука.

– Вот и порыбачили, – тихо проговорил первый. – Ну что, звони, вызывай ментов... или, как они там сейчас, полиция, что ли...

– А может, – робко возразил второй, – того... ничего не видели, не слышали...

– Следы уже не спрячешь... Звони, – решительно ответил первый мужчина.

2

Прицел поймал человеческую фигуру, охватил ее и повел – не выпуская и не вздрагивая. Других фигур рядом не было, ничто не перекрывало обзор, и палец левой руки мягко, без малейшего рывка, лег на спусковой крючок, начал плавный нажим...

Есть! Цель поражена.

Как раз вовремя – у входа в супермаркет всегда толчея, фигура быстро смешалась с другими и через секунду канула в большой двустворчатой двери.

Целившийся довольно усмехнулся: глазомер его не обманул и имитация выстрела прошла успешно.

Его худощавое, с резкими чертами лицо слегка смягчилось, а взгляд, невыносимо острый в момент прицеливания, словно расплылся, возвращая хозяину, сидевшему за рулем темно-синего «Рено», нормальное отношение к миру.

В зеркале заднего вида он краем глаза уловил движение и чуть повернул голову – ага, коллеги пожаловали!

«Приора» цвета «мокрый асфальт» с желтым фонарем на крыше подлетела пулей, взвизгнула тормозами, ее передний бампер замер в дециметре от заднего бампера «Рено». Молодо-зелено! – качнул головой водитель.

Из «Приоры» выбрался паренек лет двадцати, страшно гордый своим лихачеством.

– Здорово, Колян!

«Черт возьми, какой я ему Колян?! В отцы гожусь, а тут на тебе...

А хотя, если подумать, кто ты такой, и как тебя звать? Намный водила, холуй по вызову. И возраст тут совсем не почесть, даже наоборот. До зрелых лет дожил, а все баранку крутишь – ну, и кто ж ты такой после этого? Колян и есть, без отчества».

– Привет, – дежурно улыбнувшись, пожал протянутую руку Николай.

– Отдыхаем?

– Да ненадолго, я думаю. Сейчас кто-нибудь выйдет. – И Коля кивнул на дверь супермаркета.

Молодой цыкнул длинной струей слюны сквозь зубы.

– Это точно. Я вон в соседнем квартале клиента скинул – и сразу сюда. Тут-то уж пустым не останусь.

– Совершенно верно, – механически ответил Николай, задумавшись о чем-то своем.

– Слышь... – протянул парень, с интересом взглянув на него, – я давно... ну, то есть не давно, а вообще хотел тебя спросить: а ты раньше кем был? Ну не всю ведь жизнь ты в таксерах, правильно?

– А зачем тебе это? – спросил Николай, не поднимая глаз, и от тона, каким был задан этот вопрос, юноше словно наждаком по душе провели.

– Да нет! – смутился он и неловко соврал: – Это я так.

Ну... интересно просто! Да я у всех спрашиваю из интереса.

Николаю не составило бы труда сочинить какую угодно легенду... да мутить мозги наивному юнцу не хотелось. А правды не скажешь. Он приготовился уже ответить что-нибудь правдоподобное, как...

Как на крыльцо универсама вышла молодая светловолосая женщина с мальчишкой лет десяти.

Мама и сын были одеты дорого и со вкусом – высший класс общества, видно сразу. Незримая аура этого класса чувствовалась и в ухоженности обоих, и в выражениях лиц, и в изысканно-небрежной прическе, и в безупречном педикюре мадам... Красивое, с классически-правильными чертами лицо женщины казалось надменным и печальным – лицо уставшей королевы. Ну а мальчишка, соответственно, – маленький принц.

– О-о, смотри какая! А между прочим, она такси ищет, я точно говорю, – тут же отреагировал молодой таксист и предложил: – Ну, Коль, давай!

Но Коля стремительно выскочил из машины.

– Нет, брат, лучше ты. Я... у меня сигареты кончились, а эта фифа ведь начнет нос воротить: простите, вы могли бы не курить?... Знаю я таких. Ну ее в баню! Давай вези, а я в ларек, за куревом. – И исчез в небольшом скверике, за которым находился павильон автобусной остановки.

Младший коллега, растерявшись, открыл рот и ни черта не понял. Он бессмысленно смотрел вслед Николаю, кото-

рый приблизился к ларьку на остановке и смешался с толпой...

– Вы свободны? – Ясный женский голос прозвучал так внезапно, что таксист вздрогнул и диковато обернулся:

– А?

– Я спрашиваю, вы свободны? – В голосе женщины проскользнуло нечто вроде иронии.

– А?.. Ну да, конечно. Свободен... Вам куда?

Николай наблюдал за ними, прячась за стеной павильона. Вот женщина с ребенком устроились на заднем сиденье, вошла нырнул за руль... темно-серебристое авто подалось назад, потом резко – вперед и влево и помчалось, исчезая в потоке машин.

3

– Мам, – повернулся к женщине мальчик, но та не услышала, погрузившись в свои мысли. – Ма-ам! – повторил он громче и дернул ее за рукав блузки.

– Что, Костя? – вздрогнула от неожиданности Елена.

– Ты какая-то задумчивая в последнее время стала, – внимательно глядя на нее, заметил сын.

– Правда? – Елена постаралась улыбнуться как можно естественнее: – Да я вроде бы всю жизнь думаю!

Шутка не сработала. Костя был не по годам серьезный парнишка.

– Нет, – отрицательно покачал он головой, – раньше так не было.

– Правда? Старею, может быть?.. Ладно, сынок, отставить старость, думать больше не буду! – Елена рассмеялась и обхватила сына за плечи, тот улыбнулся в ответ, но как-то не по-детски.

Уловив ситуацию, она принялась весело болтать о всякой чепухе, о том, что в августе они поедут отдыхать в Испанию или Италию, а в ближайшие выходные отправятся в аквапарк... Ребенок, будь он хоть вундеркиндом, все равно ребенок. Костя сразу оживился, заговорил... и Елена поздравила себя с педагогической победой.

Победа-то победой, но, вообще-то, Костя был совершен-

но прав. Елена действительно стала слишком задумчивой в последние недели, и эта задумчивость совершенно не радовала.

Наверняка девяносто девять из ста женщин, узнав о мысленных тяготах Елены Студенецкой, дружно воскликнули бы: «С жиру бесится!» или «Мне бы твои заботы!..». В жизни жены миллионера, владельца сети магазинов, было все, что могут дать большие деньги. И что?.. Да то, что не в деньгах счастье – не было его у Елены, притом что денег – хоть залейся. А кроме денег было прошлое, о котором не хотелось вспоминать, и будущее, о котором не хотелось думать. Она же видела, что происходит с ее мужем, как он изменился за последнее время, за весну-лето этого года. Он и раньше-то...

Э, нет! Довольно, спохватилась Елена и сухо, но вежливо обратилась к таксисту:

– Здесь лучше этим путем, видите? Налево, в проулок, а там я покажу.

– Ага... – промычал тот, поворачивая влево.

Такси въехало в пригородный коттеджный поселок, официально – Кленовая роща, а в просторечии – Буржуйка, престижное место обитания «денежных мешков» и некоторых политических тузов. Через пять минут она велела припарковаться у ворот усадьбы с роскошным садом и небольшим прудом и, рассчитавшись, бросила:

– Спасибо. Идем, Костя.

Мать и сын выбрались из машины, и тут же калитка отво-

рилась, в ней возникла рослая, плечистая фигура охранника.
– Добрый день, Елена Сергеевна, – предупредительно произнес он.

– Здравствуйте, Михаил, – кивнула она и повторила: – Костя, идем.

Направляясь к усадьбе – изящному, со вкусом выстроенному дому, вполне под стать дворцу какого-нибудь мелкого курфюрста из позапрошлого века, – Елена ощутила страшный дискомфорт. Ей до отвращения не хотелось идти туда, глаза бы не видели то, что она вынуждена называть своим домом. Но что делать, ради сына приходится терпеть.

– Мам, – подал голос Костя, – я погуляю у пруда?

– Конечно.

Елена проводила сына любящим взглядом и вошла в дом.

А ее супруг Глеб Студенецкий, сидя в это время в кабинете своего офиса, взглянул на часы и вызвал к себе по селектору секретаршу Катю:

– Екатерина, зайдите.

Через пять секунд Катя вошла в кабинет – изящная шатенка с нежно-смуглым лицом и светло-кариими глазами.

– Слушаю, Глеб Александрович. – Голос у нее был мягкий, мелодичный.

– У меня через двадцать минут посетитель. Знаете?

– Да, Глеб Александрович.

– Отлично. В эти двадцать минут меня ни для кого нет. Ни для кого. – Он сделал выразительную паузу.

– Да, конечно, – кивнула Катя.

– Ступайте, – сказал Глеб и уткнулся в экран ноутбука, с головой уйдя в дела.

Лицо бизнесмена стало сосредоточенным, глаза быстро и цепко выхватывали нужные данные из множества строк. Кое-что он выписывал на бумагу. Это длилось минут десять, после чего он глубоко задумался.

Посидев так с минуту, коммерсант взялся за телефон.

– Это я, – начал он без предисловий. – Ну, посмотрел... по тому делу. Что?.. Да-да, по тому самому. Так здесь их чуть ли не сотня! – И непечатно выругался. – Можешь пореко-

мендовать кого-то?

В трубке запульсировала быстрая развязная речь. Глеб слегка морщился – терпеть не мог такой манеры разговора, но человек на том конце провода был ему очень нужен, поэтому терпел и слушал. И перебил совершенно спокойно, без эмоций:

– Постой, повтори еще раз. Федотов? Смотрю... Нет такого. Еще давай... Михеев? Этот есть. Кто они в прошлом?.. Ага! – Студенецкий придвинул рабочий блокнот, быстро набросал на пустой странице: «Федотов, Михеев» и сказал: – Все, я гостя жду, бывай. До связи.

Он поудобнее уселся в рабочем кресле, расслабился и закрыл глаза. Тут же перед его мысленным взором возникло лицо человека. Мужчины. Худое, болезненное, с явными следами недавних бедствий. Человек смотрел на него, на Глеба Студенецкого, снизу вверх, и во взгляде его было совершенно невыносимое выражение – смесь страха, ненависти и отчаянной попытки сохранить человеческое достоинство... Невыносимое! Глеб и не вынес. Его передернуло, он поспешил открыть глаза и свистящим шепотом произнес:

– С-сволочь...

Мелодично запиликал и засигналил оранжевым глазком селектор. Глеб нажал кнопку.

– Глеб Александрович, к вам гость. – Катин голос – вышколенный, бесстрастный.

– Просите, – велел Студенецкий. – Я жду.

Глава 2

1

Артем Михеев был частным сыщиком без малого пять лет.

Он не без сожаления ушел из угрозыска, где сумел зарекомендовать себя толковым, расторопным опером. Но системе ум старшего лейтенанта Михеева был практически не нужен – думать от него не требовалось, требовались исполнительность, усердие и умение услужить начальству. А вот к этому как раз у Артема талантов не было.

Сам по себе, без всякого начальства, частный детектив Михеев быстро завоевал солидную репутацию, оброс клиентурой, стал стабильно и неплохо зарабатывать. Действовал он всегда очень щепетильно, строго в рамках закона, при этом сумел сохранить хорошие отношения с бывшими сослуживцами, без лишних слов помогая им в разных деликатных случаях.

Такой вот случай выпал и сегодня.

Он просматривал унылую многочасовую съемку скрытой камерой, когда зазвонил телефон. Артем глянул: ба, Витя, старый товарищ!

– Здорово, Михей, – по-свойски приветствовал тот и сразу

перешел к делу.

Виктор Львов и Артем Михеев начинали вместе, «на земле», в райотделе тогда еще милиции. Обоим там казалось тесно, и оба оттуда вырвались: Артем пошел в Шерлоки Холмсы, а Виктор – в угрозыск городского УВД, где и дослужился уже до майора. Мужик он был деловой, цепкий, разговоров вокруг да около не водил.

– Можешь мне сегодня уделить час-полтора? – сразу спросил Виктор.

– После обеда, – ответил Артем. – В три годится?

– Самое то, – явно обрадовался майор.

Они договорились встретиться в сквере неподалеку от ГУВД.

Ровно в три Артем был в условленном месте. Через минуту на входе в сквер показалась коренастая фигура Львова.

«Располнел», – усмехнулся Михеев.

Самому Артему это не грозило: он был к полноте не склонен. Среднего роста, среднего телосложения, он и внешность имел самую заурядную – идеальную для артистов и сыщиков, при которой можно перевоплотиться в кого угодно. Виктор же обладал такой внешностью, что ему в театре доставались бы роли римских императоров, на худой конец генералов. Массивное лицо с крупными, резкими чертами, жесткая линия рта, твердый суровый взгляд – спасибо контингенту, с которым довелось общаться, научили. Даже среди друзей майор Львов не изменял этой суровой манере. Но

Артем к ней давно привык.

– Ну, здоров еще раз. – Виктор крепко сжал Артему руку. – Присядем.

Уселись на пустую скамейку в тени кленов.

– Что, вновь зовут частный розыск на помощь государевой службе?.. – с ехидцей проговорил Артем.

– Да, – ответил Виктор без улыбки.

2

Майор Львов служил в так называемом «убойном» – отделе по расследованию убийств ГУВД, куда, естественно, стекалась вся информация о трагедиях, разыгравшихся в городе, и о подозрениях на это: пропавшие без вести, неопознанные трупы... обнаруженное оружие и взрывчатые вещества – бывало и такое! Строго говоря, сбор и обработка этой информации не были прямой обязанностью Львова, но перегруженные, переизгруженные, замордованные кучей дел сотрудники охотно отфутболивали все это любителю анализа и обобщений. Случалось, по вечерам, оставшись один, майор просматривал сводки за последние несколько суток, сравнивал, сопоставлял... И вот несколько дней назад его внимание привлекло сообщение, вроде бы совершенно пустое с криминальной точки зрения. Несчастный случай. Пьяный мужчина свалился с пешеходного мостика в овраг, с высоты метров семь-восемь, и убился.

Пустяк – но взгляд бывалого опера почему-то зацепился за него. Почему?..

Подумав, Виктор вспомнил.

С месяц назад в сводке был похожий случай.

За каким-то чертом один «гопник», до слез знакомый местному отделению полиции, забрел на заброшенную стройку, полез вверх... и лишь к вечеру следующего дня кто-

то случайно наткнулся на труп.

Грех было бы сказать, что по покойнику хоть кто-то всплакнул. Напротив, вздохнули с облегчением: молодой «баклан» уверенно шел к успеху, то бишь к карьере преступника, бессмысленного беспредельщика. И полет с крыши недостроенного дома предотвратил чьи-то слезы, несчастья, а возможно, и смерть.

Еще ничего толком не зная, профессиональным чутьем Виктор сопоставил эти два события, поразмышлял – и приступил к выяснению, что за личность этот летун с моста.

Установил адрес, нашел участкового. Тот при первом же упоминании о персонаже сморщился так, точно его хреном с редькой накормили. Виктор узнал, что «жмурик» был пакостнейшей сволочью, люто тиранил семью, не давал житья соседям – в пьяном виде, разумеется...

– ...То есть трезвый-то он тоже был не сахар, – говорил участковый, усталый капитан средних лет, – но, по крайней мере, хоть не бушевал. Просто хмурый такой, угрюмый был, как будто злой на весь белый свет... Вроде ничего страшного, ходит таким барбосом, и ладно. Но как напьется!.. Правда, не то что напивался, ему уже со ста граммов башню срывало. Наверное, что-то в башке было не так, хотя на учете не состоял. Да мало ли таких скрытых психов по свету ходят!

– Вы не пробовали с ним как-то поговорить, урезонить?

Капитан только рукой махнул:

– Как не пробовать! Да говорю же, трезвый он набычится,

молчит, слова не вытянешь. Я ему: осознал, мол, понимаешь, что это добром не кончится?

– А он?

– Мычит чего-то, то есть понял, мол, не буду больше... Да я вижу, что слова мои ему, что мертвому припарки. Не доходят. Ну, решил припугнуть: смотри, говорю, оформлю. По первому разу суток на пять, а потом пойдешь по «хулиганке», до трех лет.

– Помогло?

– Да черт его знает, – с досадой бросил капитан. – По нему ведь и не скажешь. Насупится, молчит как пень... Вроде притих, но разок все-таки нарвался.

– Нарвался? Это как?

– Да был случай с месяц назад. Вот так же стал своих гонять, те выбежали на улицу, крик, шум! И тут парень какой-то случайно подвернулся. Сразу понял, в чем дело, и вломил этому придурку, да хорошо вломил... Я бы этому парню, подвернись он мне, первый бы руку пожал! Этот охламон в самом деле тише стал. Я, грешным делом, стал надеяться, что хоть так дошло до дурака... Да где там! Видать, горбатого могила исправит.

И далее рассказал, что этот тип терпел-терпел, но все же сорвался и запил как-то особенно дико, даже не похоже на него. Перепуганные соседи позвонили в участок, но безобразник, побушевав в подъезде и вынеся пару стекол, исчез еще до прихода капитана, и больше никто его не видел. Жи-

ВЫМ.

– Ну а вообще... – Участковый криво ухмыльнулся: – Ну да что там, сами знаете. Оно, может, и грех так говорить, но я мысленно перекрестился: одной заботой меньше. Как нарочно кто помог, прости господи!..

Этот рассказ Виктора сомкнул в голове сыщика недостающие звенья картины...

– Даже так! – понимающе усмехнулся он.

– Да, – кивнул Львов.

Виктор несколько дней тщательно анализировал сводки, изучал подробности и теперь на основании отработанного им материала мог заявить, что в течение последних примерно месяцев шести в городе зафиксировано значительное число странных смертей, настигших всякое отребье: от ничтожной мрази, вроде тех двух, до опасного негодяя, подозреваемого в сбыте наркотиков. Наркополиция давно имела вид на этого субъекта, владельца небольшого продуктового магазина, оперативники подозревали, что это его дело лишь прикрытие для куда более прибыльного «бизнеса смерти», но доказать ничего не могли. Ровно ничего! Честный предприниматель, позитивный гражданин, даже депутат райсовета... Хитер был гад.

Но и на него... нашелся свой винт.

Труп коммерсанта с пулевой дыркой в голове был найден в пригородном лесопарке. Неподалеку удалось обнаружить следы шин, но, во-первых, мало ли кто тут мог проехать, а,

во-вторых, такой резины по городу – тысячи колес, поди сыщи иголку в стоге сена. Нашли и пулю, но она тоже не дала ответов на вопросы. Тупик.

– И ты сделал вывод, что завелся у нас свой Робин Гуд, – кивнул Артем. – Санитар города, так сказать.

– Точно так. И поверь мне...

– Верю, верю. Уж кому-кому, а тебе поверю.

– Спасибо, – серьезно произнес Виктор. – Стало быть, ты меня понял.

Конечно, Артем понял весь дальнейший расклад. Если сейчас майор Львов сунется со своим грандиозным открытием к начальству, то получит по шапке за то, что дурью мается: умничает и корчит из себя великого сыщика, вместо того чтобы работать. А потом начальство, конечно, само взглянет на это дело, и если увидит в нем реальную перспективу, то подомнет под себя, и уж тогда – прости-прощай... Да и вообще, все здесь еще сыро, копать да копать, и, конечно, лучшего партнера, чем частный детектив, не найти. А его и искать не надо, он уже есть – свой парень Артем Михеев.

Артем отлично помнил, чем обязан Виктору: тот дважды прикрыл его в юридически скользких ситуациях и теперь имел полное право обратиться за помощью. Все это он просчитал в секунду. И ответ его был таков, в котором Виктор не сомневался:

– Я тебя понял. Помогу. Хочешь взять этого... заместителя Бога?

Виктор тоже понял – Михеев намекает, что тот неизвестный мститель – если он есть! – самочинно присвоил себе право решать, кому жить, а кому нет.

– Да, – сказал он. – Хочу. И я еще не все сказал.

– Слушаю.

Львов побродил взглядом по кронам берез и кленов, как бы собираясь с мыслями.

– Ты знаешь, – заговорил он наконец, – если б он только это делал... то есть истреблял одну эту погань, я бы, черт его знает, может быть, тоже ему руку пожал, как участковый парню, что того уroda отметелил. Честно скажу, самому иной раз в голову приходили такие мысли, типа, к черту все эти процедуры, в куски бы рвал этих тварей! Но... Я давно понял, что просто так на этой тропе не удержишься. Вот и наш мистер Икс, похоже, берега потерял. На днях в лесу труп обнаружили – два рыбака случайно наткнулись. Личность установили: наш клиент, сидел когда-то за мелочовку, данные сохранились. Причем нормальным человеком был когда-то, но вот жизнь опустила, сел, вышел... потом жил где придется, побирался в людных местах...

– Причина смерти?

– Да в том-то и дело, что огнестрел в голову. Причем убит не там, не в лесу, привезли труп. Опять же проселочная дорога недалеко, опять же следов колес – множество. Правда, калибр пули не тот, меньше. Да кто ж его знает, может, у него целый арсенал! По нынешним-то временам это плевое дело.

– Однако... – задумчиво покачал головой Артем. – Ну а зачем ему, санитару нашему, такая морока? Если он решил город от отбросов зачистить, то к чему такие сложности?

– Согласен, – сказал Виктор. – Вот и я не знаю. Может, он немного того... – он покрутил пятерней у виска, – на этой почве. А может, и вправду совпадение! Ну и... как говорится, это не шахматы, тут думать надо. И я прошу мне помочь. У тебя наверняка агентура неплохая, я ж тебя знаю... Ну, словом, вот так.

Детектив не ответил, и Виктор, приняв это за сомнение, слегка нахмурился: отступился, что ли? Но Артем думал о другом.

Он уже размышлял о методе поиска. Да, задача непростая. Но это и разжигало сыщицкий азарт. Агентура неплохая... Агентура, товарищ майор, у меня такая, что узнаешь – обзавидуешься! Не количеством берем, но качеством. Думать надо, думать... это точно. Черт возьми, умеет же Витек найти подход!

– Слушай, – неожиданно вырвалось у Артема, – а тебе не приходила в голову мысль, что это кто-то из наших?

– Думал, конечно, – недовольно дернул уголком рта Виктор. – Мелькала мысль. Да толку-то?

– Ладно, – жестким тоном проговорил Артем. – Пойду думать.

3

Таймер жидко запиликал, извещая о том, что 18.00 – конец рабочего дня.

Когда Студенецкий вышел в приемную, Катя уже собрала бумаги, выключила компьютер и ожидала распоряжений.

– Вы свободны, – только и сказал он и снова скрылся в кабинете, сам не зная зачем.

Там сел на один из стульев, расставленных вокруг стола для совещаний, и погрузился в глубокую задумчивость. Вернее, не в задумчивость, а в созерцательность. Лицо привычно помрачнело, взгляд застыл. Со стороны могло показаться, что он смотрит какой-то чудовищно мрачный, депрессивный триллер: с отвращением, но не в силах оторваться... Правда, не так уж долго это продолжалось, через пару минут Глеб очнулся, брезгливая гримаса исказила его лицо, и он поспешил подняться.

Почти бегом пересек опустевший офис, кивком простился с охранником и вышел на автостоянку.

Там стояла только его машина – люкс-седан «Инфинити». Водителя Глеб обычно отпускал ближе к концу работы, домой и из дома добирался сам.

С давних пор у него выработалась привычка: перед тем как сесть в машину, обойти ее со всех сторон и внимательно осмотреть – это после того, как первую его «девятку», куп-

ленную в студенческие годы, ночью кто-то помял и бесследно исчез.

Глеб пустился в привычный обход по часовой стрелке, обогнул левое крыло...

И замер.

Из декоративной маски радиатора торчала аккуратно свернутая в трубку белая бумага.

Глеб смотрел на нее как зачарованный, затем обернулся по сторонам – никого. Осторожно приблизившись, он потянул листок двумя пальцами, словно тот мог его укусить.

Бумажная трубочка легко распалась, предъявив короткую надпись. Студенецкий уставился на нее, как бы не в силах понять смысл, наконец опомнился, сунул бумагу в карман и ринулся обратно в офис.

Охранник при виде шефа суетливо вскочил – таким хозяина видеть еще не приходилось. Всегда непроницаемо-надменный олигарх вдруг чуть не бабьим голосом выкрикнул:

– Эй! К моей машине никто не подходил?!

– Н-нет, Глеб Саныч, вроде никого... – заикаясь от растерянности, ответил охранник. – Ну, народу-то много было, подъезжали и сами, и на такси, и так подходили... Я все отслеживаю! У меня все под контролем, порядок всегда, и все спокойно...

Глеб хотел было рявкнуть: «А это призрак сделал?!» – и сунуть в нос ему бумагу, но вовремя сдержался. Знать об этом охраннику незачем. А потом, действительно, на стоянке

народу – туча, за всеми не уследить.

– Ладно, – сказал он, успокоившись. – Это так... показалось, наверное. Я к себе поднимусь на пять минут.

В кабинете Глеб вынул из стола бумажку с выписанными им сегодня фамилиями: Федотов и Михеев, частные сыщики, и на миг задумался: кто?.. Михеев был в официальном списке, Федотова не было. Наконец, приняв решение, он снова набрал номер:

– Здравствуйте! Артем? Очень приятно, правда, не имею чести знать вашего отчества... Ну, хорошо. Полагаю, у меня есть для вас дело, полагаю также, что вы им заинтересуетесь. Что?.. Ах, по какой причине я так полагаю? Да по самой простой. Я готов вам хорошо заплатить. Очень хорошо. Не стану приbedняться: я состоятельный человек и готов сделать все, чтобы вы согласились. Если у вас есть желание обеспечить себя на год вперед... Что? Ах да, простите, не представился. Моя фамилия Студенецкий. Глеб Александрович Студенецкий. Бизнесмен. Слыхали? Ну и прекрасно! Итак, Артем, я хотел бы с вами встретиться. Да, прямо сейчас. Вы же умный человек и понимаете, что...

Прочее не важно.

4

Артем вполне осознал, какой редкий шанс ему выпал. Про Студенецкого он краем уха слышал, даже краем глаза видел в какой-то телепередаче: да, крупный предприниматель, бизнес-акула местного масштаба. Можно сорвать куш! Но, как назло, Михеев уже загорелся делом Виктора, и чем труднее оно представлялось, тем сильнее вскипало сыщицкое нутро, вбрасывало в кровь порции эндорфинов. И прерываться на таком взлете?..

Но в то же время он понимал, что от предложения этого клиента не откажется.

Тот предложил встретиться в солидном клубном ресторане. Войдя в холл, Артем сразу же наткнулся на сумрачного служителя, потребовавшего документы. Михеев предъявил удостоверение частного детектива, привратник придиричиво изучил его, после чего изрек:

– Вас ждут. – И указал, куда идти.

Студенецкий занял отдельный кабинет – с комфортом, достойным постоянного посетителя. Вошедшего Артема встретил любезно и корректно, изысканным жестом указал на стул:

– Прошу!

Пока он диктовал заказ симпатичной девушке-официантке, Артем успел цепким профессиональным взглядом оки-

нуть своего визави.

Рослый, подтянутый, моложавый мужчина, одетый дорого и с тонким вкусом, более присущим аристократу, нежели буржуа. Особые приметы? Здесь сыщик мысленно усмехнулся, подумав, что в этой графе отметил бы: «очень красив» – синеглазый брюнет с классически правильными чертами лица... и еще что?..

Так... это уже не для графы, а для себя, чисто субъективно – что-то неприятное в этом красивом мужском лице уловил чуткий взор сыщика. Или... не скажешь «неприятное», но нечто не то. Что?.. Артем тут же поймал этот нюанс. Противоречие между твердым взглядом и капризной, какой-то не мужской складкой губ – такой изгиб рта характерен, скорее, для избалованного подростка...

На этом психологические изыски закончились. Студенецкий улыбнулся, но глаза его оставались холодно-отчужденными:

– Ну что, приступим?

– Конечно.

Сначала обговорили финансовые условия. Миллионер действительно проявил щедрость, даже аванс пообещал – тридцать процентов, с перечислением завтра. Детектив подумал, что этим авансом, скорее всего, дело и ограничится, а потом заказчик постарается его кинуть... Впрочем, возражать не стал.

– Теперь к сути, – сказал он. – Слушаю вас.

– В последние недели я стал ощущать преследование со стороны неизвестных лиц. Или лица, – четко сформулировал Студенецкий.

Тут принесли заказ, а когда официантка удалилась, Глеб продолжил излагать суть дела...

Началось с пустяка. Недели две назад вечером на домашний телефон позвонили. Чертыхнувшись – кому там неймет-ся! – Глеб отвлекся от Интернета, взял трубку:

– Да!

Молчание.

– Да, слушаю вас! – выкрикнул Студенецкий уже недово-льно, и вновь ответом была тишина. Он уже хотел отклю-читься, как уловил некий далекий неясный звук.

Что это?

Глеб напрягся, вслушиваясь. Звук потихоньку нарастал, очень медленно... и, наконец, стал отчетливо различим. Это был смех.

Станный. Тихий, журчащий, какой-то бесплотный – не мужской, не женский, без эмоций. В фильмах ужасов так смеются существа по ту сторону реальности.

Нехороший холодок пробежал по спине коммерсанта, он побледнел, и память его провалилась в яму, в которую ему очень не хотелось заглядывать...

Но сыщику он этого не сказал. Сказал иначе:

– Ну, пустяк, конечно, хотя и странно. Я бы об этой исто-рии забыл, если бы не последующие события...

Случились они не сразу. Прошла примерно неделя.

Утром, как обычно, Глеб выехал на работу. Вывел «Инфинити» за ворота, повернул влево...

И метров через пятьдесят стал тормозить, не веря своим глазам.

На каменной ограде соседней усадьбы висел плакат, на котором крупными красными буквами было написано: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», а под этой надписью на Глеба Студенецкого смотрел... Глеб Студенецкий. Под портретом была еще одна надпись, такими же крупными буквами, только черными: «ИЗМЕННИК».

– Вот тут я оцепенел, честно скажу, – признался Глеб.

– Стоп! – вскинул палец Артем. – Давайте поподробнее. Кто-то изготовил такой издевательский плакат и повесил на стену...

– Ну да, да, – слегка раздраженно перебил его Студенецкий. – Пародия, черт бы ее побрал!

– М-м... – задумчиво промышчал Артем. – Этот самый плакат, он с вами?

– Нет, – поморщился Глеб, – дома. А я сюда прямо с работы.

– Жаль, – сказал Михеев и принялся задавать разные скучные вопросы: о шрифте, о фото – откуда оно могло взяться, о том, кто еще мог видеть плакат, чем бумага была прилеплена к стене... Глеб отвечал довольно терпеливо, и ответы были самые банальные: фото из Интернета, оно там

в свободном доступе, вряд ли еще кто видел, ибо никаких расспросов потом не было, да и приклеено, казалось, совсем недавно, клей совсем свежий... Какой клей? Да черт его знает, клей как клей.

– Мне надо взглянуть, – заявил Артем, и Глеб обещал показать ему этот пасквильный лист.

– Ну а сегодня... – Он полез в карман пиджака и вынул бумагу, обнаруженную в решетке радиатора, попутно объяснив все обстоятельства находки: никто ничего и сигнализация промолчала.

На бумаге были два кратких слова: «Я ПРИДУ».

– Фактура текста та же, что на плакате? – спросил Артем.

– Да черт его знает, – пожал плечами Глеб. – Надо будет сравнить.

– Обязательно. Скажите, вы до меня ни к кому не обращались? Вообще, делились с кем-нибудь об этих событиях?

– Нет. Домашних тревожить не хочу, а в остальном... да и времени не было! Большой бизнес – это, знаете ли, каждый день на разрыв.

Артем кивнул, хотя ему и показалось странным, что после второго случая, уже явно неприятного – даже если это и шутка, то за такие шутки морду бить надо! – бизнесмен не шевельнулся, и поинтересовался:

– У вас семья?

– Да. Жена, сын.

Ответ был отрывистый, недовольный. Повисла короткая

пауза...

– Ну и главное. Ваши соображения на этот счет? – снова заговорил Артем.

– Хотите сказать, подозреваю ли я кого-нибудь?

– Можно и так.

Артем внимательно посмотрел на клиента и по мимике его лица понял: да, подозревает. И говорить об этом не хочет. Хотя знает, что придется.

Глава 3

1

Елена проснулась словно от толчка и даже вздрогнула перед тем, как открыть глаза. Открыла – и секунды две сообразала: где она, на каком свете?.. Вернувшись к действительности, тут же схватила телефон и набрала номер сына:

– Костя!

– Да, мама?

Ф-фу... Елена перевела дух, стряхивая остатки сна.

– Ты где?

– На площадке.

На территории имения Студенецких была, разумеется, оборудована и спортплощадка.

– Хорошо. – Елена взглянула на часы и добавила: – Скоро ужинать, не забывай.

– Да. Но папы еще нет.

– Приедет. Не опаздывай.

Она подошла к оконному проему и долго смотрела на ухоженный парк, погруженная в свои горькие мысли:

«Прошлого не вернуть. Будущего нет. Нет?.. Да вот же оно, будущее: жить ради сына, пока он не станет взрослым, женится, у него начнется своя, далекая от тебя жизнь... А те-

бе, Елена Сергеевна, собственно, на том можно и помирать».

От этой мысли слезы подступили к глазам, спазм перехватил горло. Елена сглотнула и резким движением руки смахнула слезы. Ну нет, не дождетесь! Будем жить. Что бы ни было, будем жить! А память... Ну что ж, она останется, и никто об этом не будет знать, кроме нее самой.

2

– Кого подозревать! – криво усмехнулся Студенецкий. – Ну, вы же понимаете, при моем статусе недоброжелателей хватает.

– Конкуренцы?

– И они тоже. Но вряд ли они стали бы заниматься такими штуками.

– Это верно, – согласился Михеев. – А кроме них?..

– Есть и другие, вплоть до уволенных. Мало ли среди них придурков... всякие там патологические правдолюбы, сутяги... ну, понимаете.

Против этого тоже не возразишь, и Артем задумался.

– Ну, – сказал он, – давайте порассуждаем, насколько знаком с вашим бытом предполагаемый Икс. Он знает, где вы живете, как ездите на работу...

– Ну, это невеликие секреты.

– Согласен. Но звонок домой – надо же знать ваш домашний номер!

– Знаете, мне только сейчас почему-то пришло в голову, – встрепенулся Глеб. – Был у меня когда-то компаньон. Хороший парень, разумный, работоспособный. Но соблазнился быстрым заработком: пустить деньги в оборот под проценты. В общем-то, там действительно светил хороший куш, но риск был велик. Он обратился ко мне за советом...

– Как его звали? – перебил его Артем.

– Андрей. Андрей Тропинин, – как-то странно посмотрел на детектива Глеб. – Я сказал: решать тебе, но я бы не рискнул. Он не послушал, вложился. И прогорел. Действия его были квалифицированы как мошенничество в особо крупном...

– Ого!

– До десяти лет. Прокурор на суде и просил десятку, судья нашел смягчающие обстоятельства, снизил до восьми. Но и это, сами понимаете, не праздник. Жаль парня. Но... – Глеб прервался, нахмурился. И после паузы добавил: – Но он вообразил, что это я его подставил.

– А смысл какой?

– В том-то и дело, что формально смысл был, – многозначительно усмехнулся Студенецкий.

И разъяснил, что в уставе компании имелся хитрый пункт, предусматривавший при наступлении форс-мажорных обстоятельств переход всех активов выбывшего компаньона к другому. Эта мера была своеобразной страховкой, а вообще между Глебом и Андреем царило джентльменское согласие.

Приговор суда также присутствовал в перечне форс-мажоров, хотя оба были уверены, что с ними такого никогда не случится. Но вот – от суммы да от тюрьмы...

– Разумеется, я уверял его, что все его активы вернуться к нему в должной пропорции, и, ведя дела, строго отсчиты-

вал его половину. Плевать мне, кто там что думает на этот счет! Да, формально мотив есть: ищите, кому это выгодно, классика жанра... Но тогда, черт возьми, у каждого мужа, каждой жены есть мотив, ибо им выгодна смерть супруга, не так ли?!

– Не так, – возразил Артем. – Но это к делу не относится. Теперь позвольте вопрос: правильно я понимаю, что этот самый Тропинин должен был уже выйти из заключения?

– Нет. – Глеб с вызовом взглянул прямо в глаза Артему. – Формально да, но... Он умер.

3

Тяжкое мертвое слово из уст Глеба упало как-то так, что и Артема при всем его жизненном опыте передернуло.

– Умер, – повторил Глеб. – При... не знаю, при каких обстоятельствах.

– Там, в зоне?

– Да.

– Как вы это узнали?

– Признаться, точно не помню, – пожал плечами Студенецкий. – Связь с ним прервалась, когда его увезли на этап...

– Где отбывал?

– Не знаю. – В голосе Глеба прорвалась досада. – В Сибири где-то.

– Стало быть, никаких достоверных подтверждений, что он умер, нет?

– Выходит, что так.

– И вы допускаете...

– Допускаю! И не только это. Вообще допускаю все, что угодно. Посему я к вам и обратился, как к одному из лучших детективов.

– Ладно, – сказал Артем, после чего пошел разговор сугубо технический. Он посоветовал бизнесмену усилить охрану и установить дополнительные видеокамеры близ дома и офиса – самые рутинные и дежурные меры. Ну и, сказать прав-

ду, дело захватило его. Но внешне это никак не проявилось: Артем Михеев умел владеть собой.

Обговорив детали, партнеры подтвердили свои обязательства.

– Значит, я надеюсь, что завтра аванс будет на счету? – перед тем как попрощаться, вежливо спросил Артем.

– К вечеру, – пообещал Студенецкий.

Артем знал, что впечатления должны перебродить, устояться в нем, прежде чем он возьмется размышлять. Поэтому он сначала отдохнул, растянувшись на диване и стараясь ни о чем не думать, а когда дневная усталость отступила, занялся основным этапом работы, то есть постарался скрупулезно, до мельчайших деталей восстановить в памяти диалог со Студенецким. И чем дальше, тем отчетливее Артем сознавал, что в разговоре Глеб играл – как артист в театре, и достаточно умело.

Но в чем подтекст? Михеев стал прокручивать в голове отдельные эпизоды разговора...

Стоп! Вот оно. Поймал!

Артем вскочил, в волнении прошелся по комнате и снова сел.

Он вспомнил момент, когда Глеб заговорил об Андрее, и совершенно ясно понял: коммерсант к тому и подводил, чтобы о нем заговорить. С самого начала, может быть все две недели, Глеб подозревал этого загадочного Андрея, якобы

покойника, в странных событиях, происходящих с ним.

Стало быть, надо разузнать самому о судьбе некоего Андрея Тропинина, некогда осужденного за мошенничество в особо крупном размере. Это, конечно, можно, если подключить Львова... да тому-то какой резон этим заниматься! Своих дел выше крыши.

И здесь такая мысль озарила Артема, что он замер.

4

Елена поймала себя на том, что ждет возвращения мужа как что-то неприятное, но неизбежное. Ожидание было тягучим, нудным, оно словно высасывало из женщины силы – черт подери, уж скорее бы пришел, что ли!..

Странная лень овладела ею. Костя сидел в своей комнате за компьютером, прислуга возилась внизу... а хозяйка роскошного дома с унылым видом сидела в кресле, и песчинки времени бесшумно сыпались и сыпались на нее.

Наконец во дворе послышался звук подъехавшей машины, и Елена, преодолевая слабость, подошла к окну. Ворота уже закрывались, а черный «Инфинити» медленно заезжал на стоянку. Она решила, что тянуть нечего, и спустилась вниз.

Муж и жена встретились на первом этаже в колонном зале, предназначенном для торжественных приемов.

– Добрый вечер, – поздоровалась Елена, ничем не выдавая своего настроения.

– Здравствуй, – вполне корректно ответил Глеб.

– Ужинать будешь?

– Что?.. Ах, это. Нет, спасибо. Пришлось в ресторан пойти с партнером, перекусили. Не беспокойся. Костя дома?

– Да, конечно.

– Ну, я к себе, надо поработать.

Все это говорилось мирным с обеих сторон тоном.

У Елены как камень с души свалился. Она сама не знала, чего ожидать от минуты встречи, а все разрулилось так просто и даже дружелюбно...

Почти.

– Я буду у себя, – сказала она, направляясь к своей комнате.

Муж кивнул и тоже удалился.

Зайдя к себе, Елена принялась задумчиво прохаживаться из угла в угол. Черт возьми! А может быть, не так уж все плохо?! Прошлого не вернуть, от будущего никуда не деться – так уж пусть это будущее будет таким... хотя бы сносным, что ли? Попробовать! Начать все снова!..

Сбросив пиджак и галстук, Глеб долго сидел в рабочем кресле.

Странная мысль блуждала в тайниках души, как подземная волна, способная грозно вырваться наружу – землетрясением, извержением вулкана... И он каждой своей клеточкой ощущал приближение этой волны.

Вспомнив, что у него есть бутылка с армянским коньяком, Студенецкий вскочил, раскупорил емкость и глотнул прямо из горлышка – грубо, по-плебейски, даже не ощутив дивный аромат и богатейшее послевкусие. Но черт с ним! Главное – коньяк горячо ударил в голову, и он вдруг понял, что надо делать.

Написать! Изложить все на бумаге. В прямом смысле. К черту все эти компьютеры! Перо, бумага – только так. Но с чего начать?.. Да с того, что есть, с него и начать!

Что чувствует убийца? Ничего. В том смысле, что эта гамма чувств не сравнима ни с чем, ее в этом мире как бы нет. Она принадлежит иному миру... если ее и сравнивать с чем-то, так только с ливнем, но с таким, как будто океан хлынул с небес и снес все, что мог. Да, это другой мир, бушующий, ревущий, другое измерение пространства!..

И ты другой.

Это самое главное. Переступить черту. Я прямо вижу ее. Это не бездонная пропасть, не стена до неба. Совсем нет! Просто черта, даже не краской, не мелом, а просто палкой прочерченная по земле. Пустыя.

Шагнул, и все. Чего проще? И все же большинство замирает перед ней в оцепенении. Табу! Запрет. Мышление дикаря, хоть и в современном обличье. Нельзя – и все. И разум отключается.

На этом запрете строится все здание цивилизации. В общем-то, правильно. Эта черта должна быть границей магического круга, за которую не дано заходить большинству.

Но есть те, кому позволено выйти. Кто способен. Их единицы, но больше и не надо. Это мы.

Я еще не встречал других, но знаю, что они должны быть. Пока же я знаю одного: себя. Имею право! Я разо-

рвал заколдованный круг. И я живу уже в другом мире, дышу иным воздухом. Воздухом свободы.

Шаг за черту! Он был для меня совсем не труден. Я убедился, что все табу – лишь внутренний страх, призрак, вселенный в мою душу. Я сделал шаг – и призрак исчез. Отныне я сам работаю со своей душой и со всей этой жизнью. Я тот, кто решает, как этому миру жить.

Рука чуть было не дернулась написать: *убийца*. Но что-то остановило ее, и Глеб язвительно рассмеялся. Ишь ты! Стало быть, не все еще табу переступил, зря хвалился...

Но некто услужливый, невидимый тут же горячо шепнул в ухо: ну какой ты убийца? Убийца – значит, злодей, а ты разве делал зло?... То-то и оно!

Готов ли я услышать о себе: убийца? Да, готов. Легко! Услышу – и отвечу спокойно, с достоинством: нет. Разве воин – убийца? Разве судья, выносящий приговор, – убийца?!

А ты – воин? Ты – судья? – тут же спросят меня. И я вновь отвечу достойно: да. Я – воин и судья большого мира.

Впрочем, вам этого не понять. Я делаю ваш мир лучше... хотя, сказать по правде, для меня это не главное. Главное – мой мир, который я создаю для себя. Я меняю себя, выхожу за черту, за кем-то положенные пределы, их больше нет для меня. Это мир без границ, это бесконечность...

– Глеб! – вдруг ворвалась в комнату Елена. – Глеб, слушай!..

– Куда?! – взревел он, вскочив. – Какого черта, кто позволил!.. – И бросился к ней с искаженным бешенством, совершенно сумасшедшим лицом.

Елена такого никогда не видела! Она замерла в страхе. На миг ей почудилось, что перед ней не муж, а кто-то совсем чужой. А еще через миг – глупая мысль! – что это и не человек, а какой-то демон. Ничего похожего на Глеба! Где его красивое лицо, где синие глаза?! Это существо надвигалось на нее, хрипло выкрикивая:

– Прочь! Вон отсюда! Кто разрешил входить без стука? Прочь, я сказал!

Ни слова не говоря, Елена развернулась и вышла, с силой хлопнув дверью.

Глеб стоял, тяжело дыша, отходя от вспышки. А когда начал соображать, даже пожалел о вырвавшихся грубых словах... но возмущение все еще кипело в нем. Он вяло выругался и вернулся за стол.

Творчество – тончайшая материя. Автора прервали, и творческий пыл исчез.

– Сбила, 3-зараза... – проскрежетал он.

Перечитал написанное – оно показалось остывшим, совсем не тем, как поначалу. Момент истины ушел!

С полминуты он смотрел на бутылку, потом с гримасой отвращения поднес ее к губам и через силу стал пить.

Глава 4

1

В таксомоторной компании, где работал Николай, был принят посменный график: по двенадцать часов, с восьми до восьми, с утра до вечера. Отколесив дневную смену, Николай заехал в контору, сдал выручку, отчитался по бензину... Пока доехал домой (машина у него была своя), уже подходило к девяти.

Но настоящая работа еще не начиналась.

Таксист обитал в съемной «хрущевке-однушке» в тихом спальном районе. Жил одиноко, замкнуто, с соседями был вежлив, приветлив, но не более того. Дистанцию держал.

Полужинав, он с полчаса отдохнул, а в начале одиннадцатого решительно встал, включил ноутбук, подсоединил к нему фотоаппарат, из письменного стола достал несколько пухлых папок, а из них множество бумаг, исписанных, таблично расчерченных, и пачку фотографий. Все это было строго рассортировано, обозначено, подшито и так далее.

Николай заварил крепкого чая, отхлебнул и углубился в бумаги.

Время летело быстро. Незаметно сгустились сумерки, превратились в ночь, а он ничего вокруг не замечал. Рас-

сматривал снимки, рылся в Интернете, делал выписки, рисовал таблицы, сравнивал одно с другим. Застывал сосредоточенно, хмурился, покачивал головой, иногда что-то вычеркивал... Словом, ни дать ни взять ученый-исследователь. Особенно он задержался на двух фотографиях, транслированных с фотоаппарата на экран компьютера.

На одной были запечатлены трое мужчин на фоне машины – рядового белого «Шевроле», каких тысячи. Снимок плохой, поспешно сделанный, лиц совсем не разобрать, фигуры... ну, те еще как-то... но, в общем, все очень неудачно. – Учись! – поморщившись, негромко произнес Николай.

На другой фотографии запечатлелось неказистое здание с вывеской «Автосервис». Он долго смотрел на оба снимка... потом взялся писать на разграфленном надвое по вертикали листе.

Время шло.

Николай трудился около двух часов, прежде чем вынудил себя остановиться. Не хотелось, работа спорилась... но завтра – то есть уже сегодня! – смена в восемь, а вставать в шесть.

Он выключил компьютер, собрал в том же неукоснительном порядке весь свой архив, спрятал в стол и стал готовиться ко сну.

Приняв душ, лег в кровать, заложил руки за голову и закрыл глаза, но сон никак не шел к нему, в голове роились всякие лишние мысли и воспоминания...

Женщина с мальчиком, которых он видел сегодня близ гастронома, возникли перед мысленным взором так четко, будто это было всего пять минут назад. Светлые волосы, тронутые легким ветерком, чуть прищуренные уставшие глаза...

Николай скрипнул зубами. Это лицо напомнило ему другое – моложе и без всякой усталости, без черточек скорби в уголках глаз и губ... Было, все было! Но где оно теперь?.. Нет его, и возврата не будет. И хватит об этом!

Елена ворочалась под покрывалом, все в ней кипело, бушевало, не давало покоя. Особенно обидным казалось то, что она влетела в кабинет к мужу с самыми добрыми намерениями, желая сказать, что хочет позабыть все плохое, начать жизнь с чистого листа... и в ответ такая адская реакция. «Как посмела! Кто разрешил без стука! Сколько раз я говорил!..» Да ни разу не говорил, урод. Как сумасшедший налетел... Кретин!

Елена злобно перевернулась на другой бок, скомкав простыню.

«Гад», – приглушенно прозвучало в тишине комнаты.

Память вновь услужливо нарисовала ту сцену, и Елена брезгливо поежилась. Но что-то задевало ее, нет, не искаженное злобой лицо мужа, а, скорее, дело в антураже кабинета... И даже не столько кабинета, сколько письменного стола. Что-то там было не так.

Не так, не так... Что же?

Чем-то это зацепило. Чем? Елена не могла понять, но и отцепиться уже не могла. Что там могло быть такого, на столе?..

Она перевернулась и уткнулась в стену. Сон как рукой сняло. Теперь она не успокоится, пока не поймет, а для этого надо в первую очередь включить логику...

Но на этой мысли все и кончилось, через пару минут она уже крепко спала.

2

Артем долго не мог дозвониться до Виктора – на работе сказали, что его нет, и причину отсутствия, разумеется, объяснить не стали, а мобильный был недоступен. Наконец, черт знает с какого раза, сотовый майора вместо равнодушно-автоматических слов разразился длинным гудком.

– Да! – сразу же ответил Львов.

Михеев тоже сразу взял быка за рога: надо, мол, встретиться по вчерашнему делу. Есть информация.

– Так скоро? – с подозрением спросил Виктор.

– Ну а чего ж тянуть-то?! – ответил Артем слегка нахальным тоном.

И они условились насчет места встречи. На этот раз съехались на машинах: Артем на «Форде», Виктор на «Тойоте». Детектив пересел в машину майора.

– Ну, излагай, – сказал тот, вынимая пачку сигарет и предлагая Артему. Но он отказался – уже несколько месяцев как бросил курить.

Артем тщательно готовился к этому моменту. Надо быть очень убедительным. И он постарался.

Не стал наводить туману, рассказал о вчерашней встрече со Студенецким. При всем том, что суровая ментовская жизнь сделала из Виктора Львова скептика, рассказ Михеева неожиданно заинтересовал его, хотя фактов в нем не было,

одна лишь психология. Главное, он вдруг вспомнил то дело восьмилетней давности, к которому, правда, отношения не имел, но в узких кругах слухи циркулировали активно.

– Пстой-ка, как ты говоришь его? Тропинин?

– Ну да.

– Припоминаю.

– Да ты что?! – оживился Артем. – Можно подробнее?

– А ты сам не помнишь?

– Нет, не припоминаю.

– Говорили, вроде как подставили парня, только хрен докажешь... Так ты говоришь, этот тип, Студенецкий, сказал, что Тропинин решил, будто это он его подставил?

Артем кивнул и с некоторым удивлением посмотрел на Виктора:

– Ты думаешь?..

– Думаю, – усмехнулся тот. – Про Студенецкого слышал кое-чего – как-никак фигура видная... Слышал разное, и все мельком. В сумме сказал бы так: отзывы неблагоприятные, но уважительные.

– Это как?

– Да вот так. Гад, говорят, но не мелкий, не из тех, кто, кроме денег, ничего не видит, за копейку мать родную продаст. Нет. Этот не такой. Другой масштаб личности. Денег у него немерено... но как бы они для него – ничто, как-то так.

– М-м?.. – Артем начал соображать. – Власть, значит?

– Черт его знает, – пожал плечами Виктор. – При таких

бабках давно мог депутатом стать или там хрен знает кем... но нет пока.

– Я, наверное, не совсем то имел в виду, – покачал головой Артем. – Власть как упоение могуществом, а еще вернее – чувством игры и победы. Психология победителя в игре...

– А игра называется жизнь, – подхватил Виктор. – Да, я тебя понял. Очень может быть. Но давай ближе к делу.

– Давай, – согласился Артем.

Итак: судьба Андрея Тропинина неясна. Что с ним случилось? Если Студенецкий как-то мутно толкует о том, что не знает, значит, знает больше, чем говорит...

И Артем повторил набор своих аргументов, но с большим эмоциональным нажимом: человек через годы несет жажду мести, да не где-нибудь, а в тюрьме, где такого насмотрелся, что куда тебе! Тут у кого хочешь крышу снесет, причем у всех по-разному. Интеллигент, прошедший через тюрьму, – это может быть такой компот! Помесь ужа с ежом... Это вполне может обратиться в идею избавления мира от человеческой нечисти, а кого-то особо ненавистного он может начать травить изощренно...

Виктор с сомнением покачал головой, и Артем добавил:

– Во всяком случае, я бы поднял архивы на предмет этого Тропинина.

– Ладно. Попробуем. Прихваты у меня в УФСИНе есть, материалы раздобыть реально. И все-таки что-то тут не вяжется! – заметил Виктор. – Преследовать своего врага, при

этом еще истреблять всякую сволочь да плюс к тому не забывать про бомжей?.. Что-то тут многовато для одной головы, прямо Шекспир какой-то. Гамлет, в смысле, я хотел сказать...

– Ну хорошо, – хмыкнул Артем. – А как тебе такой расклад...

И выдвинул новую версию: предположим, Тропинин действительно скончался в заключении. Но там он успел крепко сдружиться с кем-то, и этот кто-то, зная всю подноготную Андрея, решает отомстить за друга. Ну а кроме того, в башке у него и собственные тараканы, может, и психопатия развиться. И вот он приезжает сюда, тихо-мирно устраивается на работу, снимает квартиру...

– Стоп, стоп! – махнул рукой Виктор. – Ну, Артем, ты же профи! Чего понес? Остынь, не роман сочиняешь!

Артем вынужден был признать, что увлекся, но не упустил ввернуть:

– Но все-таки эта версия мне нравится.

– Ну и пусть нравится, на здоровье. – Виктор вдруг заторопился: – Ладно, с УФСИНом я свяжусь, по результатам отзвонюсь. Но ты на этом не зацкливайся! Версии версиями, но сейчас нужны данные!..

3

Это, положим, Артем знал и без майора.

Частный сыщик Михеев, конечно, не МВД с его могучим аппаратом, но кое в чем он мог дать фору громоздкому ведомству. Например – в работе с осведомителями. Опять же, у полиции сеть информаторов больше, это ясное дело, но как раз в силу малых масштабов Артем мог работать тоньше, ювелирнее. Да и психолог он на самом деле был хороший, а образ жизни с кем только его не сталкивал.

И самым необычным из всех, с кем Артема свела судьба, был человек удивительного таланта, которому этот талант был как гиря на поясе – черт его знает, может, и лучше бы, если бы этого таланта вообще не было.

Звали этого человека Александр Зарядьев.

Студенту театрального училища Зарядьеву все его педагоги прочили блестящую карьеру при условии, если он умерит неистовство души. Громадный дар и бешеный темперамент слились в нем в одно целое намертво, вырываясь на поверхность то неподражаемым Чацким в «Горе от ума»... то скандалом и дракой в полуподпольном заведении, где собиралась «золотая молодежь» Москвы. Сам же Саша отчаянно и весело сознавал, что иначе жить не может, и это вихревое, сумасшедшее пламя, бушующее в нем, творит на сцене чудеса, а не будь его – ну какой он, к черту, артист.

– Живу, краев не вижу, – смеясь, говорил он друзьям. – Не знаю, что это. Что?.. Жить, как вы?! Да я бы сдох!

И в чем-то молодой артист был прав. Только он наивно и легкомысленно думал, что эта гремучая смесь взметнет его в звездную высь, на актерский Олимп, где уже не страшны будут ему ни сума, ни тюрьма...

Но судьба сыграла с ним в другую игру.

Потом, годы спустя, Александр с горькой усмешкой вспоминал, что ему отчего-то страшно не хотелось ехать на ту вечеринку, на дачу в Барвихе... и главное, он сам не мог понять почему. Не лежала душа, и все тут! Но уломали дружки-приятели, наобещали, что на даче будет один сверхмодный в элитарных кругах андеграундный то ли бард, то ли рок-исполнитель... Зарядьеву, честно говоря, на этого подземного хрена было плевать с высокой башни – но не смог отказать друзьям.

И тем самым отказал себе.

Рок-звезда, конечно, не пришел, зато явились два «мажора» – папенькиных сынка, нестерпимо самоуверенных и наглых, с одним из которых у Саши сразу же случилась легкая словесная зацепка. Пижонистый юноша, видимо, не ожидал, что какой-то там актеришка осадит его столь язвительно и метко, возбудив женский смех – на тусовке оказалось и несколько хорошеньких девушек... Словом, критическая масса для конфликта созрела быстро.

Присутствие красоток Александра подхлестнуло. Хандру

с него как сдуло, он ударился в фейерверк остроумия, начал пародировать всяких известных личностей – девчонки просто рыдали от смеха.

К этой минуте выпито было уже немало, а вот уже и вовропато протянулся в воздухе привкус конопляного дымка... забить «косячок» на таких богемных посиделках было делом обычным. Словом, публика сделалась достаточно разгорячена и одурманена, чтобы быть беде. Беда и случилась.

Девчонок Саше удалось покорить. Особенно приглянулась ему одна кареглазая шатенка. Но не он один оказался в этой компании ценителем женских прелестей. Тот самый «мажор», что пострадал от его остроумия, считал, что эта девушка приглашена специально «под него». А тут этот фигляр, лицедей! Да кто он такой?!

Слово за слово – а Саша за этим в карман отродясь не лазил, – и пошла рубка.

Может, все бы обошлось не так и плохо, если бы эти козлы не накинулись вдвоем. Пьяные, они били торопливо, неумело, но зло, норовя искалечить. Ну, это взорвало Александра – что, гады, так?! – и его буйный нрав рванул наружу.

Хорошо еще, что Зарядьеву не попался под руку нож – страшно подумать, что могло тогда произойти. Подвернулся табурет – им расвирепевший артист и пошел метелить противников, ничего уже не соображая от ярости. Потом он даже не мог вспомнить их. Помнил лишь перепуганные лица друзей и девушек и как кто-то из ребят растерянно и сердито

кричал:

– Идиот, ты же их чуть не убил!..

Позже эти слова тоже поставили в строку.

Табуретный бой привел к тому, что у одного оказалась черепно-мозговая, у другого – сложный перелом челюсти... Вызвали «Скорую», медики, видя обстановку, сочли необходимым сообщить в милицию. И закрутилась юридическая машина.

Вокруг Александра схлестнулись три силы. Одна видимая – закон, и две подпольные: «мажоровы» папаши, с одной стороны, и заступники из театрального училища, с другой, – да, нашлись и такие среди Сашиных преподавателей, несмотря на то что на сам ректорат тоже серьезно наехали за упущения в воспитательной работе, кое-кого грозили даже снять с должности – бог весть чем это кончилось.

Ну а для Зарядьева это невидимое миру противоборство разных сил закончилось приговором: четыре года.

В колонии он числился в активистах, выступал, ясное дело, в самодеятельности, и дело уверенно шло к УДО. Но опять же подвел неукротимый нрав: ввязался в драку, в которую мог бы и не ввязываться... Но что случилось, то случилось. К активу со стороны большинства осужденных отношение было, мягко говоря, неважное, в свалке кто-то из блатной мелочи сунул заточкой в спину, пробил легкое. На ЧП, понятно, стайей слетелось разнообразное начальство, с удовольствием устраивало разборки: делало важный вид, указы-

вало на недостатки в оперативной работе, мудро поучало... ну, у начальства работа такая.

Зарядьев не был зачинщиком драки, поэтому цеплять его не стали, но об УДО не было уже и речи: руководство колонии перестраховалось, судорожно прикрывало свою задницу. Сам же Александр долго валялся в лазарете, лечили скверно, рана никак не заживала... ну а в довершение всего открылся туберкулезный процесс.

Тут тюремные эскулапы спохватились. Из колонии Александра этапировали в спецбольницу, где за него взялись всерьез и держали до тех пор, пока не залечили чахотку наглухо. Главврач, увидя в артисте человека, криминальному миру чуждого, отнесся к нему с сочувствием:

– Тебе ведь обратно в зону не очень хочется? Вот и лежи, лечись, а уж я придумаю, как время протянуть.

И придумал. Александр освободился прямо из этой лечебницы, даже на два месяца позже срока – специально к началу лета. И, сказав горячее «спасибо» доброму доктору, сразу же рванул в Москву, наверстывать упущенное.

Но...

Но оказалось, что в одну реку невозможно войти дважды. Восстановиться на четвертый курс юридических оснований не было, как объяснили ему в ректорате, а впрочем, он почувствовал, что там не горят желанием связываться с обладателем судимости и едва залеченного туберкулеза... Из двух своих курсовых педагогов он встретил одного – второго, ста-

рика, выжили на пенсию.

– Ну что тебе сказать? – невесело пояснил преподаватель. – Снова поступать на первый курс, на общих основаниях? Ну во-первых, тебя постараются завалить, извини уж, сам себе такое реноме создал. А во-вторых, если и поступишь, то какого... прости, Вельзевула, ты будешь делать эти четыре года? Для тебя же это детский сад!

– Это верно, – ухмыльнулся Зарядьев.

– Эх, Саня, Саня! Дар твой – враг твой... Ладно! Слезами горю не поможешь, а вот советом – да. А совет мой тебе таков...

Оказалось, у него есть друг – главный режиссер ТЮЗа в крупном городе-миллионнике. Пообещал связаться с этим главрежем, рассказать все без утайки.

– ...По моей рекомендации он тебя возьмет и с твоей биографией, и без диплома. Комнату даст в общежитии, может быть, даже эту... как ее бишь, холеру...

– «Малосемейку».

– Ну да. Но уж ты его не подведи! А так – какой-никакой, но тыл у тебя будет, а уж как тебе дальше расти, пробиваться... это, друг мой, тебе думать, решать и действовать. Все в твоих руках. Непросто будет, но что в нашей жизни просто? Так что, если ты согласен – я звоню. Хоть сегодня.

– Я подумаю, – ответил Александр.

На самом деле он, по сути, уже решился.

Здрavo рассуждая, ничего лучшего ему не светило... раз-

ве что вдруг случится чудо. И говоря: «подумаю», он оставлял этому чуду крохотный шанс, в который сам не верил.

А главное – его кураж, счастье и проклятие его жизни, куда-то делся, точно вытек в дыру, пробитую заточкой. Не было прежних огня, азарта, задора – говоря иначе, не стало того волшебства, что делает артиста из работника творцом. Ну а профессионализм у него оставался.

И он поехал в далекий, прежде незнакомый город. Квалификация его для местной сцены оказалась более чем, в ТЮЗ взяли без разговоров, «малосемейку» дали. И потекли будни провинциального актерства...

В один из этих дней на пути Зарядьева и возник частный сыщик Артем Михеев.

Глава 5

1

Когда Артем случайно встретил Зарядьева, Александр был уже человеком средних лет, со слишком ранней седinouей... и, если бы не это, казался бы очень млаожаваем. Михеев, психолог по натуре, заинтересовался им – уж очень тот пластично двигался, эффектно говорил, живо реагировал на окружающее – и все это совершенно естественно, без всякого наигрывания... Познакомились. Разговорились. Артист охотно рассказал о себе.

Что больше всего поразило Артема – это то, что самый, казалось бы, типичный неудачник, застрявший в периферийном театре, исполнен детских надежд, что еще выпадет ему счастливый билет, сверкнет его звезда и заблестает он на столичных подмостках и на большом экране.

– Кураж мне нужен, кураж! – откровенничал он перед Артемом. – Я могу, я же чувствую! Тесно мне здесь. Иной раз думаешь: втиснуть бы в себя перед спектаклем граммов сто, не больше, так бы дал, что небо вспыхнуло бы!

– Так в чем проблема?

– Боюсь! Себя боюсь. Не удержусь, пойду вразнос. Знаю я себя. Уже сколько лет не пью.

– Совсем?

– Ни капли! А без этого настоящего куража нет, стопроцентного. Замкнутый круг! Но ничего, вырвусь! Огонь и воду прошел, так теперь впереди только медные трубы, верно?!

Артем дипломатично пожал плечами. Он слишком много видел судеб, в которых все завершалось только огнем да водой. Но не хотелось разочаровывать этого славного, талантливого, хотя и непутевого парня.

И тут в голову сыщику пришла поразительная мысль.

– Слушай, – сказал он, – а как у тебя с деньгами?

– Зарплата, что ли?

– Она самая.

– Да как! Дыра в кармане да вошь на аркане. Но ничего, халтурим помаленьку на утренниках, на корпоративах всяких.

– Ага... – протянул Артем, что-то обдумывая. – Ну, тогда у меня к тебе деловое предложение.

На «ты» они перешли сразу, легко и непринужденно.

Артем предложил Зарядьеву стать его агентом. За деньги, разумеется. Сказал, что это превосходное поле деятельности для артиста. Надо вживаться в среду, имитировать повадки, речь, мимику разных людей... Вот где для куража-то простор! А Артему – полезная информация.

– Старик, ты гений! – воскликнул, подпрыгнув от возбуждения, Александр. – Это же абсолютно гениально! Это же... да слов нет!

Но у прагматика Михеева слова были, и восторги пылкой природы он ввел в конструктивное русло. Хотя по ходу дела сам увлекся, и вдвоем они принялись по-мальчишески азартно разрабатывать роли.

Зарядьев в запале предложил было роль бомжа, но разумные соображения пересилили такой соблазн. Чтобы натурально выглядеть бомжом... – для этого надо самому им стать. Нереально.

И тут Артема вновь осенило.

– Слушай, – спросил он, – а ты машину водишь?

И услышал в ответ, что водит превосходно: глазомер, реакция – лучше не бывает. Правда, чрезмерный задор и здесь дает о себе знать. Иной раз в горячке так и подмывает устроить гонки на дороге...

– Ну, гонки мы устраивать не будем, – улыбнулся Артем и предложил Александру стать таксистом. По-настоящему. Залегендироваться, так сказать. – С машиной решим вопрос, у меня в конторе есть одна. Ну, образ, грим, манеры – это по твоей части. И устраивайся в извоз, будешь баранку крутить в свободное время, сшибать копейку. И я тебе буду платить за сведения.

На том и порешили.

Зарядьев легко вжился в среду, сдружился с коллегами-шоферами, которые по театрам сроду не ходили, поэтому знать не знали, кто таков на самом деле их товарищ. Ну а с пассажирами уж Александр давал волю таланту – стано-

вился то веселым балаболом, то солидным, неспешно-рассудительным мужиком, то брюзгой, обиженным на весь белый свет... Короче, к каждому умел найти индивидуальный подход и вытрясти какую-никакую информацию.

А вот такая информация – «сарафанное радио» – и от пассажиров, и особенно от таксистов, в силу своей работы о многом осведомленных, и нужна была Михееву. Когда люди говорят свободно, открыто, в том числе, конечно, и всякую чушь, дело профессионала – отлавливать в пустой породе золотые крупинки, а Михеев в своем деле был профи.

Конечно, были у него и другие агенты, вообще грамотно построенная агентурная сеть – главное в сыскном деле, будь оно государственное или приватное, разница лишь в масштабах... Так вот, были и другие агенты, но номером один был Зарядьев.

И к кому же, как не к Александру, теперь должен обратиться Артем?..

2

Когда Михеев позвонил, в театре вот-вот кончилась дневная репетиция. Договорились встретиться через полчаса.

– Ты что-то радостный сегодня, – не преминул заметить сыщик приподнятое настроение Александра.

– Ну, так!.. – И Зарядьев радостно поведал, что их труппа приглашена на международный фестиваль детских театров. В Петербург. В октябре. Повезут спектакль с Александром Зарядьевым в главной роли.

Он был уверен, что дождался. Вот он, его звездный час! Уж там-то, на фестивале, он сверкнет так, что не заметить будет невозможно.

Артем терпеливо переждал бурление эмоций, после чего сказал:

– Ну, в добрый час. Я очень рад за тебя, Саня! Честное слово.

И это были не пустые слова, не дань вежливости. Михеев искренне желал Александру успехов, ибо считал, что тот их заслужил. Ну а то, что в этом случае он теряет своего лучшего агента... что ж, такова жизнь. Сашка все-таки талант, прошел сквозь тернии, так пусть теперь летит к звездам. Достойн!

Поговорив о высоком, обратились, наконец, к прозе.

Артем четко и лаконично передал картину, обрисованную

Львовым, и поставил перед агентом задачу: выявить, проанализировать и уточнить всю информацию, которая могла бы касаться этой темы. При опыте, смекалке Зарядьева, при его знании людей – дело как раз для него.

Александр задумался, посерьезнел.

– Хм, – сказал он, машинально потерев пальцем бровь и переносицу. – Стало быть, кто-то вроде Робин Гуда у нас завелся?

– Есть подозрения.

– Или Дубровского... А я бы Дубровского сыграл! – мечтательно воскликнул Зарядьев. – Психотип мой. Прямо на меня так бы и легло. Я бы, знаешь, как сделал...

– Знаю, знаю, – с улыбкой перебил его Артем. – Ты, Саша, не отвлекайся. Ты вроде сказать что-то хотел?

– Сказать?.. А, ну да. Тут, видишь ли, какое дело...

Неделю назад он оказался рядом на стоянке с полужнаковым таксистом из другой фирмы – приятный такой в общении мужчина... не слишком молодой, но и «средних лет» не скажешь. Нечто между. Клиентов не было, и между ними завязался дружеский разговор.

– Любопытный мужик. – Александр прищурился, выпятил нижнюю губу, вспоминая и оценивая. – Любопытный... Не из пролетариев, явно.

– Как ты это понял?

– Как понял? Да помилуй бог, мне тут и понимать не надо, достаточно воспритий! Руки, жесты, интонации в голосе...

Дорогой мой Пинкертон, не забывайте, что я изучал такие штуки, как сценическое движение и сценическая речь! Да и сам на сцене, слава богу, сколько уж... И в моторике, и в мимике, и в речи ловлю такие тонкости, какие даже и ты...

– Ладно, ладно! – Артем вскинул руки, пресекая новый полет вдохновения. – Согласен. Дальше!

– Да не знаю, – поморщился Зарядьев. – Показалось... очень уж он так говорил сдержанно, аккуратно как-то, каждое слово будто бы ощупывал...

– Ну и? – вновь подстегнул Михеев, уже догадываясь об ответе.

– Так после зоны частенько бывает. И не столько с блатными, сколько со случайными сидельцами, вроде меня. Зона ведь учит за каждое слово отвечать, и люди становятся очень осторожны со словами.

– А что же по тебе не скажешь?

– Ну, что там я! Я – особая статья. И потом, я не говорю – все, говорю – многие. Оно, конечно, есть такие, которых жизнь ничему не учит, до старости ложку в ухо несут...

– Ясно, ясно. Не отвлекайся.

– Так вот что-то эдак подмигнуло мне, что парень побывал в гостях у «хозяина». Да и вообще – будто бы вроде меня, не совсем тот, за кого себя выдает... Но это лишь впечатление, сразу оговорюсь! Мельком на его руки глянул – ничего, никаких наколок, чисто. Стали мы говорить о том о сем. Ну а актерское-то чутье... Сам понимаешь, нервы-то у нас на-

ружу, как антенны, все мы чувствуем! Правда, ни черта не соображаем... ну, да это уже другая статья. Короче, парень с двойным дном, даже не сомневаюсь!

– Ты считаешь, он может нам реально помочь? – задумчиво проговорил Артем.

– Ну, конечно, зацепка хилая, что там говорить, – честно признал Зарядьев. – Но чем черт не шутит, если парень с таким жизненным опытом – а в такси на самом деле чего только не услышишь! – кто знает, может, и сумеет расклады вычислить.

Хотя Артема рассказ о таксисте не особо вдохновил, но он на всякий случай все же спросил:

– Телефон его знаешь?

– Да, обменялись. Дать тебе?

– Пока незачем. Но потолкуй, конечно. На безрыбье, как говорится...

Зарядьев, видя, что его сообщение воспринято без энтузиазма, не то чтобы почувствовал себя виноватым... но захотел помочь еще чем-то.

– Еще чем-то?.. – пожал плечами в ответ Михеев. – Да нет, пожалуй. Есть у меня одно дельце, да ты мне в нем не помощник.

– Это почему?

– Ну... без обид: там другой социальный уровень.

Сказав так, Артем ощутил некоторую неловкость и, решив смягчить ее, начал говорить о Студенецком.

– Студенецкий! Это буржуй-то?! Да я ж его знаю!.. – воскликнул Саша.

Артем тут же потребовал разъяснений.

Ну и выяснилось, что «знаю» – слишком громко сказано. Зарядьев с еще несколькими артистами выступал на корпоративе в фирме Студенецкого, устраивали они что-то вроде развлекательного шоу. Сам-то Александр витиевато назвал это «классическим варьете», но Артем знал, что это за варьете – кривляние перед жрущей полупьяной публикой. Он чуть не плюнул с досады на то, что попался на крючок актерского легкомыслия... Но куда же деваться, сказал «А», скажи и «Б» – пришлось поведать и о деле Студенецкого. Александр выслушал внимательно, сделал такое глубокомысленное лицо, что всю досаду Михеева как сдуло и он едва удержался от смеха.

– Ну что ж, – солидно сказал Зарядьев, – попробую и здесь забросить сети.

Артем от греха подальше не стал дальше протаптывать эту тропинку, лишь кивнул:

– Хорошо. Если что будет, звони сразу же.

– Обязательно!

И тут Артема неожиданно дернуло спросить:

– Слушай! А как парня... ну, таксиста, звать?

– Николай. Фамилию не знаю. Машина – темно-синий «Рено»... А что?

– Да нет, ничего. Ну, ладно, бывай, успехов на сцене!

И они распрощались.

Александр был буквально окрылен. Ветер удач вдруг дунул в его паруса. Все одно к одному! Спектакль, будущий фестиваль и даже небольшие деньги от Михева – все это символы, знаки фортуны, вдруг повернувшейся к нему лицом.

А все отчего? Оттого, что внял словам Артема. Лицедейство не на сцене, в новой обстановке, с иными целями – это было ново, необычно, остро, жгуче! Это встряхнуло почище спиртного или бесшабашного желания встрять в драку.

Размашисто шагая, дыша полной грудью, Саша переживал знакомый вихрь эмоций. Кураж вернулся! – он это чувствовал всем существом. И в таком приподнятом эмоциональном состоянии он вдруг решил позвонить Николаю.

– Коля? Привет, коллега! Узнал?.. Слушай, у меня сейчас один диалог любопытный состоялся... – И он, на задумываясь, поведал Николаю о разговоре с Михеевым, о подозрениях детектива относительно таинственного «Робин Гуда»... и о деле Студенецкого не удержался, разболтал и сознался, что сам является Михеевским агентом.

– Я бы хотел и тебя привлечь... – туманно протянул Зарядьев, на что получил уклончивый ответ.

– Что?.. Да, разумеется, не телефонный разговор, понимаю. Впрочем, думаю, мы к нему вернемся. Что?.. О да, разумеется! Все, будь здоров... Да! Коля, извини. – Саша по-

низил голос: – Извини за неуместное любопытство... мне по некоторым признакам показалось, что тебе в жизни довелось хлебнуть лиха. Побывать в местах не столь отдаленных... Да?! Ну, так я и понял. Признаюсь, самому пришлось погостить в этой системе, такая вот судьба-злодейка... Да, конечно, конечно, увидимся, все обсудим подробно. До встречи!

Этот неожиданный разговор еще плеснул адреналина в душу, и Зарядьев двинулся дальше, в сторону барачных кварталов. Зачем?.. Да кто ж его знает. Куда понесло, туда понесло. Между двумя домами было нечто вроде пустыря, густо заросшего всякой древесной дичью. Туда по тропке и зашагал артист – уверенно, твердо. Он шел, ухмылялся и думал, что это тропка возносит его вверх, вверх, к свету, к солнцу, к небу!..

Вдруг слева послышались голоса и смех. Точнее, грубое, дебильное ржание. Александр воинственно вскинулся. Что там еще за быдло?! И взял влево.

Там, среди зарослей, на крошечной полянке, устроились с пивом, чипсами и семечками четверо гопников. В центре пейзажа гордо торчала трехлитровая пластиковая бутылка пива «Бригадирское», которую, видимо, пускали по кругу, как индейцы трубку мира. При появлении незнакомого все четверо разом замолчали и изумленно уставились на него.

А он, усмехнувшись, окинул взглядом дурное общество и произнес:

– Ну что, веселая и незнакомая компания? Ното homini

lupus est?

– Ты че, мужик? – настороженно сказал один из гопников, как видно, главный, в синей ветровке и черных трениках. – Ниче не попутал?

Пока это было сказано довольно нейтрально.

Александр ощущал распирающую изнутри силу, у него начало стучать в висках, но, к сожалению, усмешка, не сходившая с его лица, показалась парням оскорбительной.

– Не, че-то я не понял, – выпрямился главарь. – Ты че, мужик, «быкуешь», что ли?

– Я, – медленно выговорил Зарядьев и показал взглядом вверх, – иду путями звездными!..

– Ну и иди! – гаркнул вдруг другой пацан, и все недружно заржали.

– Иду, – повторил Александр. – А ты – урод. И все вы уроды!

Он сказал так и, испытав в этот момент острейшее, непередаваемое наслаждение, по-бойцовски выпятил грудь.

– Че?! – повскакали с мест гопники. – Че ты сказал, лох педальный... чмо тухлое... обрыган гнойный... – понеслось со всех сторон. Александр отвечал изысканно и едко, чего придурки, конечно, понять не могли, но чувствовали, что над ними язвят. – Ну, че ты, козел тупорылый? Тебе что, зубы жмут?.. Генерал, сунь ему в рыло!..

Видать, это у главного в синей ветровке такая кличка – Генерал.

Но ударил первым не он.

Или это Зарядьеву так показалось? Галдели и взмахивали руками вокруг него все четверо – и тот, что справа, взмахом слегка зацепил Александра по скуле.

Скорее всего, это у него вышло случайно, просто не рассчитал. Но этого Зарядьеву хватило.

Вот оно! Ярость, лихость, восторг полыхнули в мозгу, и он с размаху влепил тому парню – целил в глаз, но попал выше, кулак костяшками скользнул по надбровью. И тут же левый глаз у самого вспыхнул залпом ярчайших искр. Понеслось!

Александр молотил гопников отчаянно, сумбурно, ощущая упоение схваткой, хотя и на него градом сыпались поспешные удары.

И вдруг словно погас свет – Саша мгновенно провалился в темноту.

Драка замерла.

Трое застыли, глядя на лежащего, а один ухмылялся, покачивая, как дубинкой, полуметровым отрезком водопроводной трубы в правой руке.

Генерал рывком поднял на него взгляд:

– Ты че сделал, Мося?

– А че я? Ниче... дрыном вон по чайнику... успокоил.

– Да ты, по ходу, его на «глушняк» успокоил.

– Да ну! Так, слегка-то и тюкнул, только фары погасить. –

И все же чувствовалось, что Мося слегка струхнул. – Не, пацаны, вы же сами видели, он же неадекват голимый, че с ним

делать-то было?! Ну, я и того...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.